

**СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
1917–1922 гг. В ДНЕВНИКЕ Ю. В. ГОТЬЕ:
ОПЫТ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА***

Марина Пантыкина

Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия

**SCENARIOS OF POLITICAL LIFE BETWEEN
1917 AND 1922 IN THE DIARY OF YURY GAUTHIER:
AN ATTEMPT AT COGNITIVE DISCOURSE ANALYSIS**

Marina Pantykina

Togliatti State University,
Togliatti, Russia

Relying on linguistic methods, this interdisciplinary study describes the interaction of discourse and politics in the diary of Yu. V. Gauthier, a renowned Russian historian describing and analysing Russia's political life between 1917 and 1922. In the first part of the article, the author analyses the methodological potential of cognitive discourse analysis and singles out cognitive structures (frames, situational models, and cognitive scenarios). Such structures, after they first appear in the experience of individual consciousness, start functioning in discourse, and after they become common knowledge, they begin influencing people's decision making and, more particularly, make discourse and politics relevant. Special attention is paid to cognitive scenarios. They make up a database of discourse which includes knowledge of the events happening, the experience and mental attitudes of their participants, and the space and time conditions determining the construction of discourse. The author puts forward a typology of cognitive scenarios (event and mental scenarios) and the basic aspects

* *Citation*: Pantykina, M. (2018). Scenarios of Political Life between 1917 and 1922 in the Diary of Yury Gauthier: an Attempt at Cognitive Discourse Analysis. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 3, p. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.

Цитирование: Pantykina M. Scenarios of Political Life between 1917 and 1922 in the Diary of Yury Gauthier: an Attempt at Cognitive Discourse Analysis // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3. P. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325 / Пантыкина М. Сценарии политической жизни 1917–1922 гг. в дневнике Ю. В. Готье: опыт когнитивно-дискурсивного анализа // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.

of their study, i. e. temporal and cognitive linguistics. The second part concerns the diary as a special form of discourse and methods related to singling out cognitive scenarios related to it. The author proves that the compositional and plot structure of the diary corresponds to the prototypical positions of cognitive scenarios. The latter are regarded as a source for structuring diary entries. Referring to the aforementioned principles of cognitive discourse analysis, the final part of the article considers the diary of Yu. V. Gauthier. The article introduces the exposition of cognitive scenarios Gauthier uses to comprehend the political life of revolutionary and post-revolutionary Russia. Special attention is paid to one of the three cognitive scenarios. With reference to it, the article explains the conditions underlying the formation of attitude, the peculiarities of identification and discourse competence of the author of the diary. It singles out elements of the diary as a special form of discourse: proposition, explication, implication, and inference. Based on their analysis and description, the author singles out mental attitudes typical of the intelligentsia of the time, i.e. the absence of cognitive scenarios related to the future, the predominance of event scenarios over mental scenarios, implicit identification accompanied by detailed explications of attitude; the impossibility of solving the search for identity in relation to both old and new political forces and representatives of academia. The author makes conclusions that make it possible to revise existing notions of political dispensation, the motives of the revolutionary activity of the Provisional Government, the people, Soviet power, and the role of the intelligentsia in the political life of Russia between 1917 and 1922.

Keywords: Yu. V. Gauthier; cognitive discourse approach; cognitive scenario; diary; political life; political forces; 1917 Revolution.

В междисциплинарном исследовании используется лингвистическая методология для раскрытия взаимовлияния дискурса и политики в дневнике известного русского историка Ю. В. Готье, в котором описываются и анализируются события политической жизни России 1917–1922 гг. В первой части статьи рассмотрены методологические возможности когнитивно-дискурсивного подхода, выявляются когнитивные структуры (фреймы, ситуационные модели, когнитивные сценарии). Возникая в опыте индивидуального сознания, структуры оформляются в дискурсе, а затем, получив статус общего знания, оказывают влияние на принятие решений, в частности, обеспечивают релевантность дискурса и политики. Особое внимание уделяется когнитивным сценариям. Они представляют собой «базу данных» дискурса, включающую знания о происходящих событиях, опыт и ментальные установки их участников, а также пространственно-временные условия, определяющие конструирование дискурса. Предлагается типология когнитивных сценариев – событийные и ментальные, а также основные аспекты их изучения – темпоральное и когнитивно-лингвистическое. Вторая часть посвящена определению дневника как особой формы дискурса и методологии выявления соответствующих ему когнитивных сценариев. Доказывается, что композиционно-сюжетная структура днев-

ника релевантна прототипическим позициям когнитивных сценариев. Последние определяются в качестве источника смыслового конституирования дневниковых записей. В заключительной части статьи с использованием представленных выше теоретико-методологических оснований когнитивно-дискурсивного анализа исследуется дневник Ю. В. Готье. Дается экспозиция когнитивных сценариев, с помощью которых автор осмысливает политическую жизнь революционной и постреволюционной России. Особое внимание уделяется одному из трех выявленных когнитивных сценариев, на примере которого объясняются условия формирования аттитюда, особенности идентификации и дискурсивной компетенции автора дневника. Выявляются элементы дневника как особой формы дискурса: пропозиция, экспликации, импликации и инференции. Их анализ и дескрипция позволили выявить особенности дискурса и ментальные установки, типичные для интеллигенции того времени: отсутствие когнитивных сценариев, ориентированных на будущее; доминирование событийных сценариев над ментальными; наличие имплицитно выраженной идентификации на фоне развернутых экспликаций аттитюда; неразрешимость проблемы поиска идентичности в отношении как «старых», так и «новых» политических сил и представителей научного сообщества. Делаются выводы, позволяющие переосмыслить устоявшиеся представления о расстановке политических сил, о мотивах революционной деятельности Временного правительства, народа, советской власти, а также о роли русской интеллигенции в политической жизни России с 1917 по 1922 г.

Ключевые слова: Ю. В. Готье; когнитивно-дискурсивный подход; когнитивный сценарий; дневник; политическая жизнь; политические силы; революция 1917 г.

Современное общество характеризуется тем, что открытая политическая борьба и государственное принуждение постепенно уступают место познающей власти и властвующему знанию, которые реализуются в таких дискурсивных формах, как экспертные заключения, прогнозы, политические дебаты, массмедиа-публикации, пропаганда и т. д. Они не только транслируют определенные интересы, но и оказывают непосредственное влияние на формирование политической повестки, тестируют ее связь с повседневной жизнью, создают образы политиков, релевантные ожиданиям граждан. При этом конкретные условия связи дискурса и политики изначально конституируются в индивидуальном сознании и только затем утверждаются в социально-значимых репрезентациях политических групп и институтов. Проблема когнитивных оснований взаимовлияния дискурса и политики является одной из самых актуальных. В качестве методологии решения проблемы предлагается когнитивно-дискурсивный подход, который позволяет выявить когнитивные сценарии, определяющие процессы порождения и восприятия дискурса. Источником изучения дискурса рассматривается дневник, что обусловлено тем, что в днев-

никовых записях содержатся явно выраженные когнитивные структуры, представляющие авторские «правила» трансформации опыта восприятия событий политической жизни в письменные свидетельства.

Методологические основания исследования

В основе когнитивно-дискурсивного подхода лежит «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозге» [Кубрякова, 2004, с. 406]. В этом контексте дискурс предстает как особая форма создания и хранения знаний, а также оперирования ими, что отражает зависимость продуцируемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств: знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста [Кубрякова, 2000, с. 8].

Когнитивные структуры – это различные типы организации языковых и неязыковых знаний, которые объективируются в речевой деятельности. Они осуществляют «обработку» дискурса, наполняя его содержание теми значениями и формами высказываний, которые являются наиболее релевантными в конкретной коммуникативной ситуации. Выделяются такие виды когнитивных структур, как фреймы, ситуационные модели и когнитивные сценарии, различающиеся между собой по степени детализации, прототипическим позициям, контексту, а также по наличию или отсутствию акцента на развитии ситуации.

Отличительные признаки когнитивного сценария¹:

- акцентирование значения индивидуального знания, формирующего ожидания человека, а также определяющего направление интерпретации текста и выработки решений [Шатрова, с. 37];

- схематическое ситуативно-тематическое описание событий, которые могут представляться как в линейной, так и в нелинейной последовательности;

- ряд прототипических позиций, обнаруживаемых в содержании дискурса как результат ретроспективного выявления: участники коммуникативной ситуации (адресант и адресат), интенции и переживания субъекта речи.

Когнитивные сценарии можно разделить на *событийные* и *ментальные* в зависимости от выражения в суждениях познавательного опыта – формы и условия внешнего или внутреннего мира субъекта. *Событийные* сценарии – это такого рода когнитивные структуры, которые «служат особой базой данных, с которой соотносится дискурс»

¹ Когнитивный сценарий – это «абстрактная ментальная структура, в основе которой лежит интерпретация говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова А. М., с. 74].

[Ван Дейк, с. 199]. Они формируются субъектом речи как схематизированные дескрипции фактически имеющих место явлений с указанием их пространственно-временных координат и выполняют функцию информирования.

Для того чтобы сценарные репрезентации событий могли определять интеракции участников коммуникации, они должны быть дополнены ментальными сценариями, которые представляют собой субъективные модели событий и предназначены для того, чтобы на их основе создавать типовые схемы интерпретации, связывать субъективные убеждения и ожидания автора дискурса с объективными условиями.

Методология изучения когнитивных сценариев координируется двумя взаимодополняющими аспектами – темпоральным и когнитивно-лингвистическим измерениями. С точки зрения темпоральности, то есть временной логики репрезентации событий, когнитивные сценарии можно разделить на сценарии прошлого, сценарии настоящего и сценарии будущего. Различия между ними обусловлены тем, что определяющей характеристикой сценариев прошлого, как считает С. Н. Плотникова, является нарративизация, которая предполагает особую логику высказываний: «Действия могут быть представлены как в последовательности, отражающей темпоральную локализацию событий по мере их осуществления, так и в связке относительно говорящего либо относительно говорящего и слушающего» [Плотникова С. Н., с. 128]. Сценарий же настоящего описывает фактически данные знания и действия. Но поскольку они не содержат готовых алгоритмизированных схем интерпретации и объяснения, такого рода сценарии обеспечивают переход возможности в действительность. Что касается сценария будущего, то он представляет собой проект событий или знаний, является основанием для прогнозов и экспертных оценок результатов развития этого проекта. В содержании этого сценария фиксируется «не просто то, чего нет, а то, что люди надеются видеть осуществившимся» [Там же, с. 131].

Когнитивно-лингвистический аспект изучения направлен на исследование субъективированных элементов дискурса, к которым следует отнести аттитюды, идентичность и дискурсивную компетентность. При этом аттитюды, или устойчивые интенциональные установки, реализующиеся в вербальных или невербальных действиях, являются ментальными основаниями порождения дискурса. В результате расширения когнитивного горизонта утверждается (или отрицается) тождественность (идентичность) субъекта дискурса с условиями внешнего мира, и наконец, в речевом акте обнаруживается способность образовывать и понимать неограниченное число высказываний с помощью усвоенных языковых средств и правил, что и является собой дискурсивную компетентность. В своей совокупности они обеспечивают согласование между составляющими дискурса – текстом, речевыми действиями и сознанием его автора.

Дневник как особая форма дискурса

В последние десятилетия наблюдается рост научного интереса к автобиографическим документам, который косвенно проявляется в уточнении семантических границ традиционных понятий «автобиография», «мемуары», «дневник» и распространении таких новых понятий, как эго-документ (Egodocument), свидетельство о себе (Selbstzeugnis), сочинение частного характера (l'écrit du for privé), жизнеописание (life-writing) [Зарецкий]. В контексте так называемого «дискурсивного поворота» каждый вид автобиографического текста (в том числе и дневник) можно считать особой формой дискурса, поскольку он представляет собой семантическую и информационную связность фраз-высказываний, значимость которых устанавливается автором текста. В силу того, что автобиографический текст актуализирует заданные условия жизни и социокультурного контекста, он соответствует известной формуле дискурса – «это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, с. 136].

Автобиографический дискурс имеет специфическую лексику, семантику, прагматику и синтаксис, которые отражают ментальные установки автора. Такого рода дискурс всегда создается с целью предъявления авторской позиции и содержит ценностное отношение к происходящему. По мнению Ю. Л. Сапожниковой, в автобиографическом произведении «в сознании автора преломляется внешняя, событийная сторона жизни и превращается в факты его биографии, в его внутреннюю жизнь» [Сапожникова, с. 55].

Дневник следует рассматривать как письменную форму дискурса, в котором автор является одновременно и его адресатом. Он, как правило, независим от внешнего принуждения и чуждых ему социальных норм, поэтому располагает свободным выбором оснований анализа событий и средств ограничения субъективизма в объяснении мотивов своих поступков. Дневник является формой познания жизненного мира, поскольку выполняет функцию «протоколирования» событий и соответствующих им переживаний. В этом аспекте он может быть уникальным объектом изучения опыта сознания, стремящегося к очевидности. При этом на пути к очевидности автор становится самотождественным источником чистых переживаний, а точка зрения, признанная автором как очевидная, может воспроизводиться в других временных условиях с тем же самым содержанием.

Композиционно-сюжетная структура дневника релевантна прототипическим позициям соответствующих когнитивных сценариев. Поэтому выраженный в нем дискурс имеет начало – судьбоносное для автора событие – и конечную цель – смысловой предел жизни, который принято называть смыслом существования. Сюжет складывается из событий, которые располагаются автором дневника в понятной для него последовательности. Как следствие, дневниковые

записи чаще всего не соответствуют логике линейной истории или календарной хронологии событий. А поскольку такие записи ведутся с учетом таких экстралингвистических факторов, как знания, личностные качества и социально-политический статус создателя текста, то они отражаются в его ментальных репрезентациях, которые затем выражаются в дискурсе.

Когнитивные сценарии дневниковых записей Ю. В. Готье: от анализа дискурса к исследованию политической жизни России 1917–1922 гг.

Дневниковые записи известного русского историка Юрия Владимировича Готье отличает особая подлинность авторских свидетельств, что отмечается исследователями: «...в отличие от большинства неопубликованных дневников, записи Ю. В. Готье не подвергались “переработке”, “подчистке” в угоду времени или изменившимся взглядам, они сохранились в первозданном виде, неся на себе отпечаток, даже внешний, времени» [Шеуджен, с. 5]. В 1922 г., опасаясь политических репрессий, Готье передал дневник сотруднику *American Relief Administration* Ф. Гольдеру, который поместил рукопись в библиотеку Стэнфордского университета. Спустя 50 лет она была опубликована на английском языке (1988). Несмотря на то что этот уникальный документ имеет очевидную научную значимость, он до сих пор не получил должного внимания со стороны отечественных исследователей.

Выявить когнитивные сценарии в дневнике Ю. В. Готье достаточно сложно. Они скрываются в описаниях личных впечатлений, в авторских изложениях газетных публикаций, в постоянных изменениях смысловых акцентов и стиля дискурса. Главная же проблема состоит в отсутствии явно выраженной идентичности автора, ориентируясь на которую, можно было бы восстановить прототипические составляющие когнитивных сценариев дневника. Кроме того, часто начавший было формироваться когнитивный сценарий Готье подвергался дальнейшей деструкции. Так, был отвергнут, не дав ожидаемого познавательного результата, когнитивный сценарий о спасении России, связанный с такими политическими персонажами, как министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский, верховный главнокомандующий Российской армии Л. Г. Корнилов и большевики. Затем с декабря 1917 г. Готье приступил к конструированию сценария, связанного с восстановлением монархии, и рассматривал армии Австрии и Германии как силы, которые могли бы выполнить эту задачу. Однако уже в ноябре, когда события в стране и мире окончательно разрушили надежды на скорую стабилизацию, он сделал запись, которая аннулировала и этот когнитивный сценарий.

Сложности формирования когнитивных сценариев можно объяснить и рядом объективных обстоятельств. Готье-историку зачастую приходилось анализировать факты, противоречащие здравому

смыслу². Постоянные срывы выхода газет и их политическая ангажированность, нерегулярность и недостоверность сведений из других источников приводили к тому, что он был вынужден задним числом восстанавливать прошедшие события, возвращаться к ранее описанным фактам и домысливать образы персонажей.

Недостаток информации о происходящих событиях явился причиной того, что в дневнике доминируют событийные сценарии. На их основе автор пытался классифицировать факты, анализировать состав политических сил. Дальнейшее развитие дискурса предполагало конструирование ментальных сценариев и фиксацию рефлексивной позиции автора. Однако специфика дневника Готье состоит в том, что он представляет «дискурс без развития». В нем практически отсутствуют структурированные общие знания о событиях и устойчивые схемы интерпретации, на основе которых осмысливалась бы политическая жизнь того времени. Такое упрощение когнитивных сценариев обусловлено стремлением автора дневника найти предельно понятные, очевидные для себя объяснения переживаемых событий и ситуаций.

Несмотря на указанные познавательные трудности, на основании систематизации дневниковых описаний политической жизни революционной и послереволюционной России можно представить следующие когнитивные (событийные) сценарии:

- 1) события личного характера, происходившие в Москве³;
- 2) события в связи с возможностью реставрации монархии;
- 3) события в связи с возможностью эмиграции семьи.

Эти сценарии включают в себя информацию о событиях, происходивших в определенных пространственно-временных условиях – с 8–16 июля 1917 г. по 23 июля 1922 г. Нижнюю границу определяет первая запись в дневнике, верхнюю – международная финансово-экономическая конференция в Гааге, состоявшаяся 15 июня – 19 июля 1922 г. Ю. В. Готье не всегда удавалось придерживаться линейной логики развития событий. Нередко в дневнике встречаются записи, воспроизводящие событийные сценарии с разнонаправленными темпоральными измерениями. В результате в тексте возникают когнитивные лакуны. Однако они не только не разрушают целостность восприятия дискурса, но и являются аргументом в пользу того, что событийные сценарии могут существовать сами по себе, без соотнесения с ментальными сценариями.

Остановимся более обстоятельно на исследовании третьего сценария – «События в связи с возможностью эмиграции семьи»⁴. Представленные в нем персонажи, личные размышления, свидетельства

² «Вчера Благовещенские говорили, что издан декрет, по которому всякий, хотя бы неграмотный, может поступать в высшее учебное заведение, если он достиг 16-ти лет, причем бедноте и пролетариату отводится преимущество. Это уже *delirium tremens* [белая горячка (*лат.*)]» [Готье, с. 173].

³ Предлагаемые названия событийных сценариев носят условный характер.

⁴ Далее вместо названия событийного сценария «События в связи с возможностью эмиграции семьи» будет использоваться его сокращенный вариант «Эмиграция».

о происходящих событиях и основаниях поступков Ю. В. Готье содержательно и логически связаны с другими сценариями. Однако этот сценарий непосредственно появляется из событий, которые происходят в процессе написания дневника – с 1917 по 1920 г. С целью иллюстрации его особенностей приведем некоторые выдержки из дневника:

8.11.1917. Из Москвы – сильная тяга; с какой бы радостью я бросил этот ненавистный город, если бы только были средства и возможность порвать со всем и вывезти семью. Не только квартира, не только Москва, но и вся Россия становится для меня клеткой, в которой можно задохнуться⁵ (с. 48)

24.01.1918. Вечером были у меня Malfinato, Савин и Яковлев. Договорились, что надо в Москве устроить маленький комитет, который мог бы вести... сношения постоянные с соответственной французской организацией⁶... Я делаю это с сознательной мыслью. Что, может быть, все это пригодится, когда придется бежать из России (с. 110);

13.05.1919. Был вчера в датской миссии⁷ и подал свои бумаги... говорят, что для меня есть шансы быть выпущенным в Европу. Это не значит еще, что меня выпустят отсюда и что будет удовлетворительно решен денежный вопрос (с. 284).

Анализ дневника в темпоральном аспекте показывает, что хотя записи велись «день в день», сценарий «Эмиграция» в большей степени связан с прошлым, а не с настоящим. Именно прошедшие события стали причиной размышлений о вариантах решения вопроса личной безопасности и безопасности семьи, которые эксплицитно заявлены в первой и имплицитно представлены в последующих цитатах из дневника. На отсутствие координаты будущего в сценарии «Эмиграция» указывает то, что в записях нет явных констатаций того, в какую страну следует эмигрировать и в каком качестве.

Недостаточная выраженность координаты будущего проявляется и в языковых особенностях дневниковых записей. Так, в пропозиции как семантической константе дискурса можно обнаружить стабильное семантическое ядро: «Я и моя семья» – «бежать» – «спасение / восстановление прежних условий жизни». Это ядро соответствует сложившейся ситуации, но не содержит однозначной отсылки к эмиграции как единственно возможному варианту разрешения накопившихся семейных проблем и реализации позитивных ожиданий. Как следствие, в дневнике, кроме отъезда за границу, рассматриваются иные варианты «тяги» из Москвы, которые не противоречат выявленной пропозиции.

⁵ Здесь и далее ссылки на дневник Ю. В. Готье приводятся в круглых скобках указанием страниц.

⁶ Речь идет о французской миссионерской организации *Entendement réciproque*, основанной научно-исследовательским институтом иммунологии им. Л. Пастера и имевшей целью развитие франко-русских культурных связей.

⁷ Речь идет о датском отделении организации Международного Красного Креста.

В пропозицию исследуемого когнитивного сценария входит один консолидированный субъект – семья Готье. Все остальные действующие лица этого событийного сценария находятся на периферии. В результате складывается прототипическая диспозиция «Я – Они». Объем концепта «Они» составляют образы сотрудников французской миссионерской организации *Entendement réciproque*, датского отделения организации Международного Красного Креста и заместителя председателя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского.

В дневнике дано немногословное описание персонажей сценария «Эмиграция», имплицитно определены их политические позиции и интересы. Например, упоминаемые в дневнике сотрудники французской организации *Entendement réciproque*, помимо установления научных связей между русскими и французскими учеными, с начала Первой мировой войны занимались пропагандой в пользу Антанты.

Французские миссионеры организовывали в своем представительстве собрания в духе «взаимного интеллигентского общения» (с. 21) и пытались политизировать русских интеллигентов, формируя у них чувство вины. Однако этот прием оказался малоэффективным, так как, по мнению Ю. В. Готье, это чувство, как и утрата чувства собственного достоинства, глубоко органичны русской культуре, и поэтому манипулирование ими не способно было спровоцировать активные политические действия против большевиков (с. 121). Подтверждение этого предположения автор дневника видит в том, что после Октябрьской революции российская интеллигенция, в том числе сам Ю. В. Готье, отдали предпочтение Германии⁸, а не Антанте.

Что касается датского отделения организации Международного Красного Креста, то в дневнике отсутствуют явные свидетельства о его политических задачах. Однако поскольку датский Красный Крест в условиях политической изоляции и экономических санкций оставался одним из немногих каналов связи РСФСР с западноевропейскими странами, можно предположить, что его сотрудники осуществляли контроль над распространением большевистской идеологии. Косвенно на это указывает вопрос уполномоченного мистера Мартини о том, будут ли Готье или его секретарь во время поездки за рубеж вести советскую пропаганду (с. 283).

Среди политических персонажей сценария «Эмиграция» особую позицию занимает М. Н. Покровский, который благосклонно относился к Готье. Однако причиной такого отношения были политические интересы, а отнюдь не личная привязанность, вызванная

⁸ Так, выстраивая композицию политических сил, способных к восстановлению монархии, Ю. В. Готье пишет 29 июня 1918 г.: «Сатанинский силлогизм – России нужна сильная власть, сильная и умная монархия; ее может дать только Германия; ни Франция, ни Америка не могут восстановить монархии в России; они будут тщетно стараться создать у нас республиканскую власть; Англии все равно, что бы у нас ни было; значит победа Согласия не даст желаемого для нас результата, а потому – о ужас – надо, логически мысля, желать победы Германии» (с. 156).

воспоминаниями о годах совместной учебы. М. Н. Покровский рассчитывал на политическую лояльность Готье, его авторитетность среди музейных работников и университетской профессуры. Заметим, что ожидания Покровского имели основания. В дневнике встречается множество рассуждений и описаний ситуаций, свидетельствующих о стремлении Готье не мешать изменениям, происходящим в образовании и музейном деле⁹. Как следствие, по рекомендации М. Н. Покровского он получил возможность отстаивать необходимость своего выезда за границу с целью приобретения книг «на заседании «научного сектора» Народного Комиссариата Просвещения в присутствии Покровского и Луначарского. Кроме них, были Артемьев и Тер-Оганезов – рыжий армяшка нахального вида, говорят, прислуживающийся перед Лениным. Я продекламировал свою записку и нашел полное сочувствие» (с. 391).

Подчеркнем, что все персонажи сценария интересуют Готье только как средства решения вопроса эмиграции семьи. Предположение об отчужденном отношении автора дневника к участникам сценария «Эмиграция» можно считать инференцией, следующей из недостаточно определенных описаний образов и оценок действий персонажей.

Основным действующим лицом сценария «Эмиграция» является сам автор. Дневниковые записи раскрывают личность Готье комплексно: здесь и то, что он сам свидетельствует о себе, и то, что можно получить имплицитивно в качестве выводного знания. В частности, они содержат множество примеров драматического становления аттитюда, определяющего политическую позицию Готье: от решительного неприятия всего, что так или иначе связано с революцией, до равнодушия и готовности идти на компромисс с представителями советской власти. Итог этого процесса обнаруживается в записи от 5 марта 1918 г.:

Позор; еще раз чувствуешь, что можно жить только своими личными интересами – ни для чего другого в бывшей России жить не стоит, и сколько бы мы ни прожили – и не будет стоять (с. 118).

Поскольку дневниковые записи предполагают предельную честность автора перед самим собой, все стадии формирования аттитюда должны быть представлены с помощью эксплицитно выраженных суждений, косвенно указывающих на наличие сформированной идентичности. Однако особенность дневника Ю. В. Готье состоит в том, что обобщения, следующие из экспликаций, не объясняют однозначно предмет рассуждений, а порождают инференции и импли-

⁹ В этой связи показательна запись в дневнике от 3 апреля 1918 г.: «Я очень был рад, что Мензбир стал на мою точку зрения и понял, что лучше дать Ленину справочник добровольно, чем подводить зря университет; характерно, что библиотекарь Калишевский не сразу понял это и хотел разговаривать со мной, отстаивая неприкосновенность справочников» (с. 128).

кации, которые свидетельствуют о кризисе идентичности. Например, из утверждения о том, что наука является для Ю. В. Готье служением родине (с. 119), следует, что он – ученый-историк, и все обстоятельства его жизни подчинены этому призванию. Однако тут же допускается необязательность этого императива:

Горько думать, что и наши все ученые занятия – это никому не нужная роскошь, в которой русские гориллы не нуждаются и нуждаться не будут... (Там же).

Подмена предмета высказываний о научном служении – «советская власть» вместо «родина» – дает основания инференционально утверждать, что Готье не только не идентифицировал себя с новым государством, но и переосмысливал понятие «родина».

Отметим, что до 1920 г. в дневнике встречаются описания попыток идентификации с такими персонажами, как русский народ и интеллигенция. Выводы, следующие из них, убеждают, что именно аттитюд Готье обусловил неразрешимость проблемы определения идентичности. В этой связи показательна запись от 6 декабря 1918 г.:

Я был приглашен на собрание, заседание или совещание в народный комиссариат по просвещению, касавшееся организации кинематографического дела в России, точнее, в Совдепии... На собрание пришли многие из божеств местного олимпа, начиная с тов. Покровского, который все более и более напоминает Квазимодо; тут были прохвосты, кающиеся интеллигенты, профессионалы кинематографии, лица с выражением узкого фанатизма на лице... (с. 200).

Заметим, что описание заседания начинается со скептической «игры словами», которая имплицитно утверждает то, что все происходящее на нем не соответствует ни одному из форматов деловых совещаний, известных Ю. В. Готье. Но эта неорганизованность его не смущала, так как, по мнению автора, Совдепия – это не прежняя Россия. Далее следуют экспрессивные, резко негативные оценки участников совещания с использованием сниженной лексики. Использование этих выразительных средств показывает, что Готье пренебрегал лингвоэтическими нормами для того, чтобы уменьшить остроту переживаний, связанных с кризисом идентичности: с одной стороны, он не принимал советскую власть, а с другой – вынужден был подчиняться ее условиям ради возможности жить и продолжать работу в сфере науки и образования.

В состав персонажей когнитивных сценариев дневника входят разные типы русской интеллигенции. Тех ее представителей, которые, руководствуясь низменными целями, примкнули к новой власти, Готье презрительно называл людьми «в волчьей шкуре». Характеристики отдельных персонажей он экстраполировал на весь тип

интеллигентов-приспособленцев. Например, мотивы сотрудничества с большевиками эсера и поэта-мистика Андрея Белого Готье связывал с особенностями менталитета этого типа интеллигенции:

...истинно русская общественность, идиотизм, переменчивость, отсутствие общественной морали и этики или же просто неуравновешенность молодого Анахарсиса из Скифии (с. 128).

Другой тип интеллигенции – «из бывших», для которых долг и достоинство были безусловными императивами. Представителей этого типа отличало то, что они хотели «переть на рожон и вызвать конфликт с соб[ачьими] депутатами» (с. 56). «Бывшим» можно считать Н. А. Бердяева, который «дошел до стенки» и просил у Готье содействия в получении должности в музеях или архивах (с. 259), А. А. Бахрушина, стремившегося к объединению историков, теоретика символизма православного священника С. М. Соловьева, переход которого в католичество Ю. В. Готье называл «кувырканием» и умозаклучал: «Вот пример даровитого русского человека, в котором “душевной крепости не бе отдавна”» (с. 454).

Автор дневника не оставил без внимания большевистскую партийную элиту, которая позиционировалась им в качестве «новой интеллигенции». Выразительность ее образов создается с помощью разговорно-просторечной лексики. Например, Н. К. Крупская предстает как «без 5 минут русская императрица... старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички...» (с. 264). А. В. Луначарский получает прозвище «Лупанарский» на том основании, что он – «довольно изящный господин с развязными хлыщавыми манерами» (с. 200).

Ироничные описания персонажей разных типов интеллигенции всякий раз завершаются аргументами в пользу негативного прогноза относительно их будущего. В рассуждениях наблюдается резкий, в пределах одного абзаца переход от просторечной лексики к научной и снова к просторечной. Так, анализ конкретной ситуации Ю. В. Готье завершает умозаклучением о том, что гибель русской интеллигенции началась с появления «русского зверя» в лице псевдоинтеллигенции, то есть «дикого, нецивилизованного, но снабженного кое-какими полужнаниями разночинца» (с. 157). Заинтересованные в экспроприации собственности помещиков, они вздумали «спасать мир интернационализмом и лишь тогда почувствовали удар в своих крепких задах, когда стали копать в их сэфах» (с. 158). Использование подобных разностилевых лингвистических средств указывает на экстралингвистические обстоятельства: в сознании Ю. В. Готье происходила борьба между интенциональными установками ученого, обывателя и диссидента, результатом которой и явились негативные коннотации понятия «русская интеллигенция».

В заключение отметим, что в статье были использованы только некоторые теоретико-методологические возможности когнитивно-дис-

курсивного анализа. Его применение к исследованию дневниковых записей Ю. В. Готье позволило сделать вывод о том, что связь между дискурсом и политикой (между «словом и делом») осуществляется через когнитивные структуры, в том числе через когнитивные сценарии. Основываясь на этих сценариях, инкорпорированных в дискурс, автор дневника устанавливает внутреннюю логику событий, структурирует пространство позиционирования персонажей, интерпретирует их высказывания, раскрывает феноменологию ментальных установок, разрабатывает систему оценки политической жизни революционной и постреволюционной России.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : УРСС ; Либроком, 2015. 352 с.
- Готье Ю. В. Мои заметки. М. : Терра, 1997. 592 с.
- Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас : Дебаты о политике и культуре. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3> (дата обращения: 16.06.2017).
- Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2000. С. 5–13.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славян. культуры, 2004. 560 с.
- Плотникова А. М. Когнитивное моделирование лексического значения глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 73–80.
- Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. лингв. ун-та, 2000. 244 с.
- Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер. Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 54–56.
- Шапрова Т. И. Языковые игры в англоязычных текстах комической направленности: процессы кодирования и декодирования : дис.... канд. филол. наук. Белгород : Белгород. гос. ун-т, 2006. 159 с.
- Шеуджен Э. А. 1917 г. Заметки Ю. В. Готье : К истории повседневности // Диалоги с прошлым : ист. журн. 2000. № 1. С. 5–10.

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 136–137.
- Gauthier, Yu. V. (1997). *Moi zametki*. [My Notes]. Moscow, Terra. 592 p.
- Kubryakova, E. S. (2000). O ponyatii diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike (obzor) [On the Concept of Discourse and Discourse Analysis in Modern Linguistics (Review)]. In *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty. Sbornik obzorov*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 5–13.

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way of Acquiring Knowledge of a Language: Parts of Speech from the Cognitive Point of View. The Role of Language in the Cognition of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 560 p.

Plotnikova, S. N. (2000). *Neiskrennii diskurs (vkognitivnom i strukturno-funktsional'nom aspektakh)* [Insincere Discourse (Cognitive and Structural-Functional Aspects)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 244 p.

Plotnikova, A. M. (2008). Kognitivnoe modelirovanie leksicheskogo znacheniya glagola (na materiale glagolov sotsial'nykh deistvii i otnoshenii) [Cognitive Modeling of the Lexical Meaning of the Verb (with Reference to Verbs of Social Actions and Relations)]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. No. 11 (71), pp. 73–80.

Sapozhnikova, Yu. L. (2012). Zhanr avtobiografii: ponyatie i osobennosti [The Genre of Autobiography: Concept and Features]. In *Uchyenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. No. 2, pp. 54–56.

Shatrova, T. I. (2006). *Yazykovye igry v angloyazychnykh tekstakh komicheskoi napravlenosti: protsessy kodirovaniya i dekodirovaniya* [Language Games in English Texts of a Comic Orientation: The Processes of Coding and Decoding]. Dis.... kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi universitet. 159 p.

Sheudzen, E. A. (2000). 1917 g. Zametki Yu. V. Got'e: K istorii povsednevnosti [1917. Yu. V. Gauthier's Notes: On the History of Everyday Life]. In *Dialogi s proshlym: istoricheskii zhurnal*. No. 1, pp. 5–10.

Van Dijk, T. A. (2015). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. Moscow, URSS, Librokom. 352 p.

Zaretskii, Yu. P. (2012). Istoriya sub"ektivnosti i istoriya avtobiografii: vazhnye obnovleniya [The History of Subjectivity and the History of Autobiography: Critical Updates]. In *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No. 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3> (mode of access: 16.06.2017).

The article was submitted on 29.07.2018